

Вокруг временщика

Александр Кивовский

По мере атрибуции портретов иногда складываются целые группы персонажей, связанных общим кругом родства и знакомства, участием в одном историческом событии или близостью к важному лицу.

В этот раз моя подборка — о людях, которые окружали графа Алексея Андреевича Аракчеева, оценки личности которого до сих пор вызывают непримиримые споры, а образ управления породил хлесткий термин «ракчеевщина». Уже два столетия он к месту и не к месту используется как ёмкое понятие административного деспотизма.

В немалой степени демонизации Аракчеева способствовала его, прямо скажем, уродливая внешность. Когда летом 1799 года граф решил жениться на 22-летней Авдотье Ваксель, девушка после первой встречи в ужасе записала: «Какой он гадкий и гнусный! Какая мерзкая у него рожа! Он мне очень не понравился». Недавно петербургский специалист Михаил Асвариц атрибутировал портрет несостоявшейся невесты графа, которая, вопреки воле родителей, отвергла царского фаворита и удачно вышла замуж по любви, а не по расчёту. Мы же можем только посочувствовать художникам, которым приходилось писать портреты Аракчеева. Задача была не из лёгких, требуя особой деликатности, вплоть до беспардонной лести. Наиболее лукавый пример хранится в Третьяковской галерее.

В 1997 году мне довелось изучать каталог миниатюр галереи. Среди них — портрет неизвестного военного, значившийся изображением генерала Конной гвардии. На самом деле перед нами генерал лейб-гвардии Артиллерийского батальона начала

1800-х годов. Через плечо — красная лента ордена Святого Александра Невского, который получали военные в чине не ниже генерал-лейтенанта. Столь высокое положение занимал лишь командир гвардейской артиллерии, которых в то время было два. Первый из них — генерал Алексей Корсаков (дядя той самой Авдотьи Ваксель) — ещё при Екатерине II получил орден Святого Владимира 2-й степени. Но на портрете его знаки отсутствуют. Приходится признать, что молодой красавец на миниатюре — 33-летний граф Алексей Аракчеев.

Интересно, что уши графа закрывают неостриженные локоньки, которые остались от распущеных буклей и косы. Отправленный в отставку Павлом I в 1799 году, Аракчеев жил в новгородском имении Грузино. Верный своему покровителю, он и после смерти Павла соблюдал моду его времени. Но при возвращении на службу в мае 1803 года Аракчеев должен был иметь актуальный внешний вид. Вот тогда и была написана миниатюра,

▲ Портрет Авдотьи Савельевны Котлубицкой (в девичестве Ваксель).
Пастель Карла Барду, 1815 год
Всероссийский музей А. С. Пушкина
Атрибуция Михаила Асварица
Ранее: портрет неизвестной

на которой граф в новом мундире, но ещё с напоминанием о прежней прическе. Глядя на миниатюру, трудно поверить, что этот сероглазый красавец и есть тот самый Аракчеев,

▲ Граф Алексей Андреевич Аракчеев.
Миниатюра, май 1803 года
Государственная Третьяковская галерея
Ранее: портрет генерала Конной гвардии

о котором генерал Николай Саблуков вспоминал: «По наружности Аракчеев походил на большую обезьяну в мундире. Он был высокого роста, худощав и мускулист, с виду сутуловат, с длинной тонкой шеей, на которой можно было бы изучать анатомию жил и мускулов и тому подобное. В довершение

Павел с недоверием встретил новое лицо

того он как-то особенно смарщивал подбородок, двигая им как бы в судорогах. Уши у него были большие, мясистые; толстая безобразная голова, всегда несколько склонённая набок. Цвет лица был у него земляной, щёки впалые, нос широкий и угловатый, ноздри вздутые, большой рот и нависший лоб. Чтобы закончить его портрет, скажу, что глаза у него были впалые,

серые и вся физиономия его представляла страшную смесь ума и злости». Бедный тверской дворянин Аракчеев, выученный сельским дьячком и побиравшийся в 1783 году от голода в Петербурге в ожидании милости стать кадетом, совершил головокружительную карьеру только благодаря Павлу I. Но как император узнал о простом артиллерийском офицере? Есть разные версии, в которых всегда упоминается Фёдор Иванович Апрелев. Его портрет мне удалось определить в ноябре прошлого года на аукционе Hargesheimer в Дюссельдорфе. Апрелев тоже

служил артиллеристом и прославился как изобретатель. Он придумал способ задевать раковины, которые при отливке портили орудийные стволы. Прибор Апрелева засекретили, а сам он стал незаменимым специалистом.

Летом 1792 года Апрелева послали в Гатчину к наследнику престола Павлу Петровичу. В своих «потешных» войсках цесаревич завёл артиллерию, но пушки для неё на Сестрорецком заводе отлили плохо. Умный офицер очень понравился наследнику. После починки стволов он задержал Апрелева при себе, поручив сформировать и обучить артиллерийскую роту. С этой задачей Апрелев справился блестяще. Восхищённый Павел никак не хотел отпускать полюбившегося ему офицера и прочил его в начальники всей гатчинской артиллерией. Но Апрелев

с секретной машиной был необходим в арсенале. Скрепя сердце, Павел отпустил его, потребовав взамен другого толкового офицера.

В этот, казалось бы, заурядный момент история России изменила свой ход. Считается, что, уезжая, Апрелев рекомендовал вместо себя Аракчеева, своего однокашника. 4 сентября 1792 года тот прибыл в Гатчину. Павел с недоверием встретил новое лицо и месяц его испытывал. Но в чём в чём, а в артиллерии Аракчеев был дока. 8 октября он так успешно провёл стрельбы, что Павел произвёл его в капитаны и разрешил всегда обедать за своим столом. Началось восхождение временщика.

Версию о судьбоносной рекомендации Апрелева подтверждает крепкая дружба, которая навсегда связала

▼ Генерал-лейтенант Фёдор Иванович Апрелев.
Портрет 1830–1831 годов (продан на русских торгах аукционного дома Hargesheimer в Дюссельдорфе 4 ноября 2021 года)
Ранее: портрет неизвестного генерала

▲ Граф Алексей Андреевич Аракчеев. Портрет Джорджа Доу 1824 года в Военной галерее Зимнего дворца, где видна боевая медаль участника Отечественной войны 1812 года, которой граф не имел

его с Аракчеевым. Он был допущен в узкий домашний круг графа и пользовался его абсолютным доверием. Апрелев стал одним из сподвижников грандиозной реформы русской артиллерии, которую Аракчеев провёл после катастрофы при Аустерлице. Даже ярые враги графа признавали, что именно он сумел быстро вывести на шту артиллерию на самый передовой уровень, обеспечивший победы на полях сражений во время Отечественной войны 1812 года и Заграничных походов 1813–1814 годов. Ценил это и Александр I: в поверженном Париже он произвёл графа в генерал-фельдмаршала вместе с главнокомандующим Барклаем де Толли. Но Аракчеев упросил царя это решение отменить.

Вообще отношение графа к наградам было уникальным. В 1809 году в связи с победным завершением последней войны России и Швеции, увенчавшейся присоединением Финляндии, Александр I наградил Аракчеева высшим орденом Святого Андрея Первозванного. Но граф орден вернул. В 1814 году, после отказа Аракчеева от фельдмаршальского жезла, Александр I прислал ему свой

► Граф Алексей Андреевич Аракчеев. Вариант портрета из ГМЗ «Царское Село», где граф ошибочно изображен с лентой высшего ордена Святого Андрея Первозванного, от которого Аракчеев отказался 6 сентября 1809 года

Доу медаль рисовали всем генералам подряд, даже убитым до её учреждения. Вот и граф «получил» боевую награду.

В советское время присутствие портрета Аракчеева в Военной галерее трактовалось крайне отрицательно. Тем более что именно он докладывал царю списки тех генералов, которых следова-

ло писать Доу. Заодно под негатив попал и адъютант графа Николай Демидович Мякинин. Считалось, что он не участвовал в боях, был

▼ Николай Демидович Мякинин. Из-за службы адъютантом при Аракчееве в советское время объявлен «штабным прихлебателем», который не участвовал в боях и оказался в Военной галерее Зимнего дворца. Тот самый, который через сто лет Максимилиан Волошин упомянет в поэме «Россия»:

Реабилитирован автором статьи в 2003 году

миниатюрный портрет для ношения на шее — очень редкий знак личной признательности монарха. Такие медальоны щедро украшались алмазами. Граф портрет принял, но в простой оправе, а все алмазы вернул. Пренебрежение Аракчеева наградами вызывало кривотолки, приводя к недоразумениям. В 1824 году знаменитый английский художник Джордж Доу написал портрет графа для Военной галереи Зимнего дворца. Тот самый, который через сто лет Максимилиан Волошин упомянет в поэме «Россия»:

*Минует век, и мрачная фигура
Встаёт над Русью: форменный мундир,
Бескровные щетинистые губы,
Мясистый нос, солдатский узкий лоб,
И взгляд неизреченного бесстыдства
Пустых очей из-под припухших век...
Таким он был написан кистью Доу —
Земли российской первый коммунист —
Граф Алексей Андреич Аракчеев.*

«штабным прихлебателем» и оказался в галерее лишь по протекции Аракчеева. В 2003 году мне удалось восстановить доброе имя этого храброго артиллериста. К сожалению, из-за ранней смерти в ноябре 1814 года документы о его подвигах оказались рассеяны и забыты. Между тем

► Фёдор Карлович фон Фрикен. Джордж Доу, 1822–1825 годы. Государственный музей-заповедник «Царское Село»
Ранее: портрет неизвестного генерала

Хотя есть свидетельства, что Аракчеев не одобрял саму затею, но, возглавив по воле царя этот, как сейчас сказали бы, нацпроект, рьяно взялся за его реализацию. 29 августа 1816 года из Петербурга в Новгород выступил для поселения 2-й батальон Гренадерского графа Аракчеева полка под командованием майора Фёдора Карловича фон Фрикена. Этот представитель древнего немецкого и курляндского рода имел богатый опыт Наполеоновских войн, о чём ему напоминали контузия при Фридланде, пулевые ранения в правую руку при Прейсиш-Эйлау и в правую ногу при Лейпциге.

Фон Фрикен стал первым военным поселенцем и быстро заслужил доверие Аракчеева. Для подчинённых Фёдор Карлович был грозой. Не зря солдаты прозвали его «Фёдором Кулаковым». Но дело он делал и навсегда стал ближайшим другом Аракчеева. Граф заказал Джорджу Доу портрет своего любимца и повесил его у себя в кабинете. Летом прошлого года этот портрет мне удалось атрибутировать в собрании Государственного музея-заповедника «Царское Село».

Когда после смерти Александра I могущество Аракчеева рухнуло и все от него отвернулись, фон Фрикен сохранил преданность графу. Своё последнее письмо 15 апреля 1834 года Аракчеев послал фон Фрикену, который через шесть дней присутствовал в Грузии при его смерти.

Фёдор Карлович всю свою жизнь так и провёл в военных поселениях, где дослужился до генерал-лейтенанта. С 1833 года и до самой смерти в 1849 году он возглавлял округа пахотных солдат

Своё последнее письмо Аракчеев послал фон Фрикену

в 1813 и 1814 годах Мякинин доблестно сражался при Бауцене, Денневице, Лейпциге, Краоне и Лаоне, получил ордена Святого Георгия 3-го и 4-го класса, а также золотое оружие с надписью «За храбрость».

После окончательной победы над Наполеоном Александр I вернулся к идеи создания военных поселений.

Новгородского и Старорусского уделов в Витебской и Могилёвской губерниях. Характерная деталь: его кабинет был копией кабинета Аракчеева в Грузино.

В прошлом году в Ярославском художественном музее мне удалось атрибутировать портрет личного врача Аракчеева, о чём подробно можно прочитать в октябрьском номере «Дилетанта». Карл Христианович Даллер был сверстником графа и начал медицинскую службу ещё при Екатерине II. В 1809 году стал штаб-лекарем лейб-гвардии Артиллерийского батальона, командиром которого числился Аракчеев. После боевых походов 1812–1814 годов, которые Даллер совершил с артиллеристами, Аракчеев взял его на курорт в Ахен, где граф два месяца лечился термальными ваннами. С тех пор судьба доктора

оказалась надолго связана с временнымщиком. В 1816 году Даллер получил звание лейб-медика, а с 1821 года стал главным доктором военных поселений. Граф поселил Даллера у себя в Грузино, где он кроме службы много лет выполнял обязанности домашнего врача Аракчеева. ▼

Автор — руководитель
Департамента культуры города
Москвы, кандидат исторических наук

